

Одна маленькая правда

Фокина Анна
Гончуков Кирилл

Большая повесть о маленьком человеке...

Пролог

Давным-давно Земля была счастлива.

Но не долго.

Сначала существа, что внешне походили на обезьян, но считали себя умнее только потому, что сумели спуститься с деревьев и выдумали, как пользоваться палками и камнями, устроили первую войну.

Но тогда они еще не поняли, что это значит.

Шло время, на смену им пришли узкоглазые потомки в мехах и латах. Они тоже решили, что за годы эволюции стали гораздо умнее, и теперь имеют полное право на всемирное господство. И вот, очередной провал. Затем появился маленький пухленький картавый человечек в треуголке и возомнил себя диктатором мира. Он тоже ошибался, и даже картавость не помогла ему в этом трудном деле. В результате, пузатого человечка смела сильная метель. И он улетел. А после, еще один недалекий потомок обезьян, зачесав челку набок и отрастив маленькие квадратные усики, продолжил это начинание. Но и ему не удалось захватить весь мир. Даже с таким эпатажем.

А еще был случай, когда белые люди стали бороться против черных. Вероятно, каждый из них хотел доказать, что взошел на более высокую ступень развития, чем его соплеменник, а доказательством служило убийство.

Да, так они развивались.

И все они считали, что тем самым превзошли своих предков.

Однако обезьяны были куда умней.

Земля стала хворать.

Ее оболочка разрывалась от непрекращающегося дыма войны. Воздух стал смрадом. Почва кисла от пролитой крови, а растения и животные погибали из-за трупного яда.

Люди думали, что так они борются за мир во всем мире.

А в итоге, рады были только стервятники.

Для завоевателей голубь был птицей мира, журавль – птицей здоровья и долголетия. Но ежеминутно в тушу им вонзались острые клювы трупоедов.

Высшая раса губила свой дом.

Они не умели останавливаться и когда-нибудь, чтобы править, уничтожили бы все, а только потом заметили, что править, на самом деле, нечем.

Были, конечно, и те, кто был за мир. «Был», а не «боролся», ибо бороться за мир невозможно. Но такие люди погибали первыми, и оставались подпитывать Землю своими остатками.

Она не могла больше выдержать этого.

Ей нужен был перерыв.

Она помнила всех их – всех, кто населял ее. В какой-то степени она дорожила ими, пока они не начали ее изничтожать. Она считала их микробами, бесчисленным множеством существ, проворно шныряющих по ее холмистому телу. Но они оказались паразитами. Люди пожирали Землю, умерщвляли безобидных созданий, стали диктовать ей свои правила.

Однажды она уже избавилась от них.

Но это не помогло.

Как зараза, хроническое заболевание, засевшее в дряхлеющем теле.

Болезнь нельзя было извести. Она могла уснуть, потерять бдительность, но потом, спустя годы, века, тысячелетия, она снова вгрызалась в Земную плоть, оставляя на ней волдыри, ушибы и страшные ссадины.

Земля страдала.

Страдала долгие годы в сладостном предвкушении смерти. Сначала – смерти ее обитателей, а потом – своей собственной. Но они не давали ей умереть. Они просто продолжали ее мучить, разрушая так медленно, чтобы она могла почувствовать каждую свою утраченную частицу.

Жадные до чужой крови существа – люди, а не звери – стирали с нее города, страны и мнили себя ее защитниками.

А она умирала.

Медленно.

Мучительно.

В слезах.

Часть I

Одинок во Вселенной

Предыстория

Как-то появились два человека.

Я чувствовала их появление, ведь они были гораздо тяжелее, чем обычные люди. Они буквально давили меня, даже когда шагали так легко, как шагает кот, выслеживающий свою добычу. Так легко, как птица касается крылом облаков. И все же они причиняли мне невыносимую боль.

Один из них – несостоявшийся художник. Однажды, в его жизни случился некий перелом, и вместо того, чтобы окрашивать бардовыми красками закат, изображенный на холсте, он решил окрашивать кровью реальный мир. Ему захотелось чего-то более масштабного, выходящего за границы холста.

Выходящего за грань воображения.

Да, он был художником, и он так видел.

А второй придумал себе железную фамилию, под стать темпераменту и хватке. Он тоже любил красный, но немного в других тонах.

Первый из них почему-то возомнил себя лучше других, считая свою нацию самой правильной и лучшей, хоть сам и не являлся представителем этой нации. Так он хотел скрыть свою слабость. Его душа горела жаждой власти и ненависти ко всем, самое страшное и губительное сочетание. Он хотел возвыситься над всем миром и ставил себя выше других. Мания величия, что тут еще скажешь. Нельзя делить людей на правильных и неправильных. Все люди равны между собой. Славяне ничем не хуже арийцев, а евреи не хуже цыган. Но этот человек считал по-другому. Он вбил себе в голову, что в мире может быть только одна – самая лучшая и самая чистокровная нация. Остальные же должны преклоняться перед ее силой и величием.

Или пасть ее жертвами.

Кратко говоря, в этом и заключалась его чудовищная идеология.

Порабощая страны, одну за другой, его владения ширились. Но чем больше он получал, тем больше он хотел. Вечно голодное чрево, жаждущее пропитания в виде войн, сгнившей в тюрьме или на поле боя человеческой плоти и гадкого смрада. Он мог успокоиться только тогда, когда у его ног будет лежать весь мир.

Второй был сильным и волевым человеком. Его характер был под стать его фамилии. Но, как и все остальные, он был не безгрешен.

Многочисленные репрессии и аресты довели людей и страну почти до религиозного страха. Народ боялся четырех букв сильнее смерти. «От каждого по способности, каждому по потребности!» - гласила идеология. Не самая лучшая, но значительно гуманнее, чем у первого человека.

У них было нечто общее. Оно не ощущалось так, поверхностно, с первого взгляда. Его можно было уловить лишь в гроыхающей тяжести шагов, в порой сбивчивом, но сильном дыхании. Они оба любили мир.

Только свой мир.

Выдуманный.

Они были для меня тяжелой ношей. Такой, какую я не в состоянии сбросить и теперь. Я чувствую их, ощущаю каждый день. Вот они, здесь, во мне, такие же грузные, как и при жизни. Они останутся невыносимой тягой, пока еще хоть кто-то помнит о них.

Они были настолько разными, что, искажая все доводы до абсурда, так сильно могли понять друг друга. Это было не признание, но простое понимание человеческих – а зачастую и дьявольских – целей.

Понимание и полное отторжение.

А когда они встретились – весь мой мир содрогнулся.

Глава 1

1919

Но был еще один, с легкой поступью, почти невесомый человек. Он исходил множество дорог, и не на одной из них не оставил ни вмятины, ни следа. Про таких говорят: «Человек без истории».

Но история у него была. Хоть и не такая масштабная, но не менее важная. Своя, маленькая, почти не приметная история.

История одного человека, влившаяся в жизни тысячи людей.

Не знаю, что особенного было во Льве Яковлевиче Дубае, чем он выделялся из толпы точно таких же существ, как и он сам, чем указывал на себя, пребывая среди невзрачных людей в точно таком же пальто, с точно такой же сединой у висков, как обратил на себя мое внимание.

У него не было ничего, что подчеркивало бы его особенность, представляло как человека «другого сорта», более возвышенного, утонченного. Скрипка и чемодан с вещами – вот и все скромные пожитки выдающегося музыканта своего времени.

Петроград не приглашал его в самую свою глубь, не посвящал во все свои тайны, не открывал для него скрытых подворотен. Но он мог принять старого скрипача. Он мог его терпеть.

Музыкант играл с самого детства, играл произведения известнейших композиторов для заработка, и музыкой, витиеватым звучанием струн рассказывал историю своей жизни, историю жизни Петрограда – для душевного успокоения. Дубай сливался с городом, и это не делало его особенным. Напротив, всем телом вжимаясь в потрескавшееся пространство стен и арок, он становился еще более незаметным, частью камня или раскрошившегося кирпича. Тогда играл не он, играл сам город. Конечно, руками старого музыканта.

Он пробовал состоять в филармонии и даже в оркестре, но помещение стесняло его. Сжимало, брало за плечи и давило на них со всей силой, и тогда музыкант перебрался на улицу. Вернее, на улицы – у него не было постоянного пристанища или, если угодно, рабочего места, излюбленного, где-то в самой сердцевине вечно спешащей толпы. Он зарывался в самые неприметные закоулки, скрывался от всех, и только тогда выпускал на волю ритмичное биение своего сердца. Другие люди, по неосторожности, именовали это музыкой.

Но это было больше, чем музыка.

Это был он сам.

Так проходила жизнь. Менялись дворы, менялась погода, менялись случайные зрители, менялся сам Лев Яковлевич, лишь не менялась его скрипка. Она стала для него не просто музыкальным инструментом, она стала частью его жизни, частью его самого.

Настоящая история музыканта всегда начинается с истории его музыкального инструмента.

Музыкант

Новая скрипка лежала на прилавке. Она еще не подозревала о том, что скоро в магазин войдет маленький человек. Она и думать не могла, что человек прикоснется к ней, проведет своим детским пальчиком по ровно настроенным струнам, по грифу, так нежно и преданно. Конечно, она не знала, что когда-нибудь постареет, что корпус ее будет исцарапан, на талии поместится большая вмятина, не знала, что несколько раз в жизни ей придется менять струны, как, впрочем, и всем ее предшественницам. И никто вообще не знал, что скрипка проживет такую долгую жизнь.

Несомненно, если бы каждая скрипка могла знать свое будущее, то она все равно не сказала бы ни единой душе. Но она даже этого не знала. Она просто лежала, привлекательная и отполированная, слушая (а скрипки умеют не только звучать, но и слушать), как еле слышно скрипит дверь, и как быстро по магазину перемещаются шажки маленького человека.

Восьмилетний мальчик смотрел на изящный инструмент с тайным вожделением, но и мечтать не мог о его покупке. Он плотно прижался лицом к витрине, заглядывая в нее, как в волшебный аквариум, полный сказочных существ и неизвестной живности, так, что нос его слегка приплющился, а дыхание полуоткрытого рта оставляло белые запотевшие следы на тонком стекле.

- Хочешь поглядеть?

Высокий продавец, внешне походивший на слугу-дворецкого у какого-нибудь зажиточного господина средневековья, бесшумно вылез из-за прилавка.

- Отойди от стекла, разобьешь. Я сейчас ее вытащу, и ты сможешь посмотреть.

И снова за прилавок.

Мальчик продолжал смотреть на музыкальный инструмент, но теперь уже не на корточках, как раньше, а немного пригнувшись и отойдя от предмета своего восхищения. Белый след быстро исчезал со стекла, а за ним, внутри, появились тонкие руки, аккуратно подхватившие скрипку. На мгновение она исчезла.

А в следующее мгновение уже появилась прямо перед мальчишкой, без защиты и преград.

- А можно?

- Конечно, - продавец быстро уловил мысли юного посетителя, - конечно, ты можешь ее взять.

Мальчик потянулся к ней, робко, боязливо и, боясь подойти поближе – он стоял слишком далеко, чтобы так просто притронуться к ней. Глупо было бы сказать, что она звала его. Нет, она просто лежала выше, чем обычно, и это ее ничуть не беспокоило. В каком-то смысле мальчик желал некоего «тайного знака», но и понимал, что его обыкновенного желания владеть ею будет предостаточно.

И он взял ее в руки.

- Умеешь играть?

Конечно же, нет, откуда? Но мальчик еще долго, выжидающе и с неким волнением во взгляде следил за играющими чертами лица продавца, и только потом, понимая, что другого выхода нет, положил скрипку на место.

Нет.

Таким был его ответ, но он не произнес его вслух.

И еще раз, мысленно, с досадой:

Нет.

- Возьми ее, давай. – Настаивал продавец. – Смотри, это очень легко.

Надо всего лишь положить ее на плечо. Вот так, ага. А теперь немного наклонить голову. – Он поправил подбородок «музыканта» и быстро достал что-то из-за прилавка. – А видишь вот это? Это называется «смычок». Возьми его в другую руку. Так, молодец. Теперь пальцами придерживай гриф вот здесь. – Он снова поставил ученика в правильную позу. – А смычком води по струнам. Посмотрим, что из этого выйдет.

Мальчик вздохнул.

Вжииихр. Скрииииип.

По ушам провели наждачкой.

- Э, нет-нет-нет, дружок, - остановил его торговец, - давай-ка плавней. – Изящными пальцами он провел по воздуху, надежно сжимая в них невидимый смычок от своей невидимой скрипки. – Представь, что ты... эмм... что ты ее причесываешь.

Скрыыыыыщз.

- Нет, погоди! Ладно. Ладно. – Длинные пальцы полезли вверх и забрались в волосы, слегка растрепав их. – Давай попробуем по-другому. Представь что-нибудь.

- Представить?

- Да, что угодно, что тебе нравится. Какое-нибудь воспоминание? Образ? Может, заветная мечта? Закрой глаза.

Мальчик зажмурился изо всех сил.

- Представил?

- Да, наверное.

- Плохо. Открой.

Он снова повиновался. Тьма расступилась и освободила место реальности, снова нарисовав перед ним магазин, многочисленные прилавки и озадаченное лицо торговца.

- Посмотри вокруг.

Он посмотрел.

- Видишь метлу в том углу?

- Вижу.

- Дерево за окном видишь?

- Вижу.

- А там, дверь в кладовку, видишь?

- Да.

- Теперь закрывай глаза.

- Ага.

- Сейчас видишь что-нибудь?

- Нет, конечно.

- Включи воображение.

- Эмм...

- Теперь?

- Теперь вижу.

- Что видишь?

- Небо.